

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|-----|
| <i>Благодарности</i> | 7 |
| <i>Транслитерация и терминология</i> | 10 |
| <i>Аббревиатуры</i> | 11 |
| <i>Карты и иллюстрации</i> | 14 |
| <i>Введение</i> | 15 |
| 1. Право и колониализм | 23 |
| 2. Правосознание | 31 |
| 3. Сравнительный анализ | 36 |
| 4. Источники | 62 |
| 5. Содержание книги | 66 |
| <i>Глава 1. Исламское юридическое поле Средней Азии в 1785–1918 годах</i> | 68 |
| Введение | 68 |
| 1. Исламское юридическое поле Средней Азии XIX века | 78 |
| 2. О публичном измерении права | 114 |
| 3. Колониализм, ориентализм и изучение шариата | 123 |
| 4. Шариат и институты власти | 128 |
| 5. Об обычном праве | 133 |
| Выводы | 140 |
| <i>Глава 2. Народные судьи — колониальные козлы отпущения</i> | 143 |
| Введение | 143 |
| 1. Реформы | 155 |
| 2. Выборы | 161 |
| 3. Народные судьи — козлы отпущения | 172 |
| 4. Заведомо ложные прошения | 178 |
| 5. Стратегический альянс | 184 |
| Выводы | 202 |

| | |
|---|-----|
| <i>Глава 3. Бюрократизация землевладения и землепользования</i> | 206 |
| Введение | 206 |
| 1. Формы землевладения в Бухаре в период до российского завоевания | 211 |
| 2. Русские подходы к землевладению и землепользованию в Туркестанском генерал-губернаторстве | 231 |
| 3. Жизнь на плодородной земле | 250 |
| Выводы | 270 |
| <i>Глава 4. Упразднение благотворительных фондов</i> | 274 |
| Введение | 274 |
| 1. Голоса обездоленных | 286 |
| 2. Русский колониальный подход к среднеазиатским вакфам | 295 |
| 3. Мусульманские голоса и русские уши | 309 |
| Выводы | 320 |
| <i>Глава 5. Фетвы для мусульман, заключения для русских</i> | 324 |
| Введение | 324 |
| 1. Как написать фетву | 334 |
| 2. Как получить фетву? | 340 |
| 3. Кому необходимы фетвы? | 344 |
| 4. Как не следует писать фетвы | 357 |
| 5. Правовые заключения для русских | 369 |
| Выводы | 384 |
| <i>Эпилог. Наследие: перспективы, открытые колониализмом</i> | 389 |
| <i>Приложение I. Примеры ярликов о назначении казием</i> | 403 |
| <i>Приложение II. Примеры документов о продаже земли в Ташкенте, 1856–1883 годы</i> | 406 |
| <i>Приложение III. Дело Садык-джана Ахун-джан оглы против казия Мухитдина Ходжи Ишана</i> | 409 |
| <i>Приложение IV. Решение казия по делу о клевете</i> | 434 |
| Юридические источники | 437 |
| <i>Словарь исламских терминов</i> | 438 |
| <i>Архивные документы</i> | 442 |
| <i>Библиография</i> | 451 |
| <i>Указатель имен</i> | 473 |

БЛАГОДАРНОСТИ

Работая над данной книгой, я успел накопить множество долгов перед разными людьми и институтами. Без поддержки моих коллег и дружественных учреждений «Идеи о справедливости» никогда бы не увидели свет. Я благодарю фонд Герды Хенкель, фонд Фольксвагена, Австрийский научный фонд (FWF), Немецкий научный фонд (DFG), Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC в Ташкенте), программу CARTI (Инициатива в области исследований и профессиональной подготовки исследователей Центральной Азии и Кавказа) Института «Открытое общество» (Будапешт), а также Австрийскую академию наук за материальную поддержку моих исследований в Европе, России и Средней Азии.

Начало данной книге было положено в 2007 году. Тогда благодаря стипендиальной программе фонда Фольксвагена я на четыре года стал научным работником Университета им. Мартина Лютера в Галле в Германии. Там мне представилась честь работать с Юргеном Паулем, чья эрудиция и страстная увлеченность всем, что касается Средней Азии, многие годы были для меня величайшим вдохновением. Благодаря моим коллегам Фолькеру Адаму, Бекиму Агаю, Ильдико Беллер-Ханн, Иоганну Бюссову, Жанин Дагъели, Ральфу Эльгеру, Курту Францу, Крису Ханну, Асме Хилали, Кристиану Мюллеру, Франческе Петрикке, Надеру Пурнакчебанду, Филиппу Рейхмуту, Кристине Турцер и Вольфгангу Хольцварту мое пребывание в городе Галле стало увлекательным опытом плодотворного сотрудничества. Благодарю вас за щедрость и терпение!

Весной 2012 года, преподавая в качестве приглашенного профессора Высшей школы социальных наук в Париже, я наконец понял, какими должны быть общие очертания данной книги. Я благодарю Алена Блюма, Ранди Дегильем, Изабель Оайон,

Алессандро Станциани и Жюльена Торе за организацию исследовательских семинаров, где я провел первые испытания материала, позже ставшего главами 2, 4 и 5 данной книги. За последние годы я получил множество приглашений представить свою работу в разных университетах и исследовательских институтах. Именно эти приглашения и стали стимулом для завершения книги. Первые версии некоторых глав прозвучали в аудиториях Лейденского университета, Ливерпульского университета, Университета исмаилитских исследований (Лондон), Мемориального музея и библиотеки Неру (Нью-Дели), Университета Бен-Гуриона в Негеве, Узбекской академии наук (Ташкент), Эксетерского, Гарвардского и Индианского университетов. Комментарии слушателей подготовили мне почву для дальнейшей работы над этим материалом.

Последние несколько лет я работаю в Институте иранистики Австрийской академии наук. Я безмерно благодарен директору института Флориану Шварцу за возможность сосредоточиться на моих исследованиях, а также за стимулирующую к научной деятельности академическую обстановку, где исследователь Средней Азии может чувствовать себя как дома. Я также благодарен коллегам за то, что оказывали мне поддержку в работе, делаясь мнениями, советами и приправляя их здоровой дозой шуток.

Все долгие годы исследований, послуживших основой данной книги, и все время, пока я ее писал, мне помогало множество друзей и коллег. Сергей Абашин, Бахтияр Бабаджанов, Дэвид Брофи, Альфрид Бустанов, Джефф Иден, Аллен Франк, Розалия Гарипова, Ребекка Гулд, Даниэле Гиццо, Михаэль Кемпер, Альберто Мазоэро, Насриддин Мирзаев, Александер Моррисон, Беатриче Пенати, Джеймс Пикетт, Даниэлла Росс и Уктамбек Султонов высказали проницательные замечания по различным аспектам вопросов, затронутых в книге. Улфат Абдурасулов и Том Уэлсфорд перечитали мою рукопись несколько раз (иногда прерываясь, чтобы рассказать, как кто-то выкинул из окна томик «Лолиты» Набокова, или отпуская неожиданные замечания по поводу последнего выпуска «Нью-йоркера»). Они испытывали мой текст на прочность критикой и выслушивали мои нескончаемые монологи. Более того, они стали мне близкими

друзьями. Я хочу также поблагодарить Девина Деуиза, Никколо Пианчолу, Идо Шахара и Санджея Субрахманьяма за то, что выталкивали меня за пределы привычных академических условностей, умышленно или непреднамеренно. Особые слова признательности предназначаются Светлане Джакессон. Путешествуя с ней между Галле, Стамбулом и Бишкеком, я научился у нее большему, чем я могу изложить здесь в краткой форме.

Я хочу поблагодарить Николетте ван дер Хук, моего редактора в издательстве Brill. Она сделала подготовку книги к публикации приятным и увлекательным опытом. Два анонимных рецензента из издательства Brill высказали полезные замечания, которые пригодились при редактировании рукописи, и я, безусловно, благодарен этим людям. Особую благодарность я выношу Алану Хартли за внимательную корректорскую работу и Беттине Хофлейтнер за подготовку карт. Я благодарю издательство Кембриджского университета за разрешение перепечатать во вступительной части книги отрывки из моей статьи «Конструирование колониальной законности в русской Средней Азии: об опеке» (*Constructing Colonial Legality in Russian Central Asia: On Guardianship // CSSH. 2014. Vol. 56. № 2. P. 419–447*). Я также благодарю издательство Brill за разрешение воспроизвести в главе 2 часть моей статьи «Санкционированная ложь: колониальные агентства и правовые гибриды в Ташкенте в 1881–1893 гг.» (*Authorized Lies: Colonial Agencies and Legal Hybrids in Tashkent, c. 1881–1893 // JESHO. 2012. Vol. 55. № 4–5. P. 688–717*).

Наибольшей благодарности, разумеется, заслуживает моя семья. Я благодарю своих родителей Джильдо и Джованну Сартори за неустанную и безусловную поддержку и заботу. Моя дочь Катерина родилась на свет ровно в то время, когда я начал работу над рукописью. Вместе с книгой она объездила множество стран, и каждое новое место она неизменно встречала широкой улыбкой. Эдда Бенетти Плафони, ныне покойная, поддерживала мою временами снижающую бодрость духа своими незабываемыми обедами. Я посвящаю эту книгу Барбаре Плафони Сартори, ее очарованию, огромному сердцу и мечтам.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

Для передачи мусульманских имен и терминов я пользуюсь арабско-русской практической транскрипцией. Я не привожу предполагаемое произношение слов на персидском и чагатайском (староузбекском) языках. Кроме того, при транслитерации я не передаю различия между долгими и краткими гласными, а также не ввожу искусственные фонетические различия между гласными переднего и заднего ряда, характерные для тюркских языков Средней Азии.

Применение системы практической транскрипции осложняется тем, что для некоторых имен существует несколько орфографических норм (например, Мурад/Мурат). Я стремлюсь избегать нормативного подхода к подобным вариациям и привожу имена в той форме, в какой они появляются в архивных текстах. Однако для ясности и единообразия я делаю исключение для некоторых исламских терминов, встречающихся в русскоязычных источниках. Я привожу их транслитерацию в соответствии с *предполагаемым* арабографическим написанием (например, *мулк* и *аш-шари‘а* вместо *мюлк* и *ал-шаригат*).

На протяжении книги я часто говорю о среднеазиатских исторических акторах как о «мусульманах». Слово «мусульмане» здесь обозначает население Средней Азии и главным образом используется как эмическая категория. Она не предполагает никакой автоматической религиозной или политической принадлежности. Также я никоим образом не утверждаю, что «мусульманское» население проживало в замкнутой социокультурной сфере, ограниченной четкими рамками. Как вскоре станет ясно читателям, в этой книге приводятся случаи значительных расхождений между верованиями и моделями поведения мусульман, что затрудняет эссенциалистское понимание мусульманства. Тот же подход применяется здесь к терминам «русские» и «колонизаторы».

Глава 1

ИСЛАМСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1785–1918 ГОДАХ

ВВЕДЕНИЕ

До российского завоевания ключевую роль в отправлении правосудия по шариату играли среднеазиатские правители. Исследователи судебных процедур исламского мира, в том числе Средней Азии, долгое время не признавали важности данного феномена. Они приписывают большее значение судебной деятельности правозащитников, а не государства, то есть мусульманского правителя и его представителей в суде. Исследователи исламского права обычно придерживаются мнения, что урегулирование споров в областях проживания мусульманского большинства было делом казиев и хакимов, работавших независимо от хана. Первые осуществляли судебные разбирательства¹, вторые выступали арбитрами в спорах²; и те и другие могли играть роль посредников и добиваться примирения сторон в судебном или внесудебном порядке³. Данный

¹ *Schacht J.* Introduction to Islamic Law. Oxford: Clarendon Press, 1965. P. 188–198; *Hallaq W.B.* The Origins and the Evolution of Islamic Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; *Masud M.K., Peters R., Powers D.* Qāḍīs and Their Courts: An Historical Survey // Dispensing Justice in Islam: Qadis and Their Judgements / Eds M. Khalid Masud, R. Peters, D. Powers. Leiden: Brill, 2006. P. 1–44. Примечательным исключением из данной тенденции являются труды Матгё Тиллье. См., например: *Tillier M.* Judicial Authority and Qāḍīs' Autonomy under the Abbasids // *Al-Masaq: Journal of the Medieval Mediterranean*. 2014. Vol. 26. № 2. P. 119–131.

² Об арбитрах см.: *Othman A.* «And Amicable Settlement Is Best»: Şulh and Dispute Resolution in Islamic Law // *Arab Law Quarterly*. 2007. № 21. P. 64–90; *Hallaq W.B.* Shari'a: Theory, Practice, Transformations. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 159–164.

³ *Tamdoğan I.* Şulh and the 18th Century Ottoman Courts of Üsküdar and Adana // *ILS*. 2008. Vol. 15. № 1. P. 55–83; *Sartori P.* The Evolution of Third-Party Mediation in Shari'a Courts in 19th- and Early 20th-Century Central Asia // *JESHO*. 2011. Vol. 54. № 3. P. 311–352.

нарратив помещает государство на периферию юриспруденции¹. В каждой из недавно вышедших монографий, посвященных исламскому праву, утверждается, что государство либо выступало в роли суда второй инстанции, работавшего по системе прошений *мазалим*², либо являлось механизмом управления, влиявшим на толкование права в каждом случае³ и таким образом ограничивающим независимость судей⁴. Данный нарратив создает искусственную оппозицию между исламской государственной властью и шариатом. Эта оппозиция обусловлена пониманием исламского права как области исключительной компетенции мусульманских правоведов — улемов (*'улама'*), то есть как замкнутой юридической сферы, недоступной простым людям. Среднеазиатские источники XIX и начала XX века бросают вызов данной бинарной модели толкования. В них описывается исламская правовая система, в рамках которой мусульмане обращались за разрешением споров к государственным чиновникам, поскольку те обладали властью и могли заставить стороны прийти к согласию, вынеся формальное или неформальное решение. Не границы судебной юрисдикции, а четкое представление об иерархии побуждало мусульман выбирать тот или иной суд. Более того, документы мусульманских ханских канцелярий показывают, что в рамках данной юридической системы казии редко выносили судебные решения самостоятельно. В основном они выполняли функции нотариусов и консультантов по правовым вопросам, в то время как ответственность за разрешение конфликтов лежала на плечах правителей и хакимов. Истцы, ответчики и судьи не воспринимали исламскую государственную власть и шариат как два различных правовых стандарта. Одни и те же служащие разрешали все виды проблем. Кроме того, в источниках не указывается

¹ Подробнее о данном подходе см.: *Pirie F. The Anthropology of Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 97–103.*

² Подробнее о мазалиме см.: *Nielsen J.S. Secular Justice in an Islamic State: Maḏālīm under the Baḥrī Mamlūks, 662/1264–789/1387. Leiden: Brill, 1985. P. 9.* О роли государства в разрешении конфликтов в османский период см.: *Ben-Bassat Y. Petitioning the Sultan: Protesters and Justice in Late Ottoman Palestine. London: I. B. Tauris, 2013. P. 24–28.*

³ *Burak G. The Second Formation of Islamic Law: The Post-Mongol Context of the Ottoman Adoption of a School of Law // CSSH. 2013. Vol. 55. № 3. P. 579–602.*

⁴ *Hallaq W.B. Shari'a: Theory, Practice, Transformations.*

каких-либо особых ссылок на специализированные юридические тексты, с которыми консультировались лица, проводящие разбирательство. Участвуя в разрешении споров, казии, как правило, действовали в соответствии с указаниями ханского дворца (*арки 'али/дарбари 'али /даргахи 'али*).

Интерпретация юридической истории Средней Азии XIX века требует, чтобы мы отвергли предположение, что институциональные механизмы и судебные системы данного региона до его завоевания Российской империей были аналогичны тем, что действовали в других странах мусульманского мира. Если мы обозначим, к примеру, мамлюков или Османскую империю как точку опоры для рассмотрения истории шариата в период Нового времени, то среднеазиатский случай покажется нам отклонением от «нормы». Однако этот подход не представляется особенно полезным, поскольку он заставляет верить, что одни стадии развития исламского права являются более репрезентативными, чем другие. В рамках данного подхода можно сделать допущение, что существуют случаи, дающие более авторитетную информацию о том, что мы называем шариатом, в то время как другие случаи менее существенны для традиции исламского права. Однако, как вскоре увидит читатель, между разрешением конфликтов в Бухаре при Мангытах и, к примеру, в османском Египте или Иране при династии Каджаров существуют значительные различия. Общей здесь является лишь исламская юридическая терминология, то есть словарь, используемый мусульманскими правоведами в обоих регионах¹. Несмотря на кажущееся сходство между судебными институтами указанных государств, более подробный анализ административных практик, языка и юридической литературы показывает, что различий между двумя системами больше, чем общих черт. Действительно, сравнение дает интересные возможности для установления связей и открывает для нас мир общих культурных оснований. Однако оно может также привести к тому, что одно из сравниваемых

¹ Данную идею я позаимствовал у Ф. Х. Стюарта, см.: *Stewart F.H. False Friends: Overlapping Terminology in Arab Customary Law and in Islamic Law*. Доклад 6-й конференции Международного общества исследований в области исламского права. Эксетер, 13 июля 2009 года.

явлений будет ошибочно считаться нормой, в то время как другое станет восприниматься как отклонение. Допустим, если рассматривать историю османского сельского хозяйства, то практики имущественных отношений, принятые в иранском мире, будут всегда восприниматься сквозь призму нашего понимания Анатолии и Сирии. Таким образом, мы рискуем ошибочно интерпретировать отдельные аспекты рассматриваемых среднеазиатских случаев. Здесь я использую иной подход. Вместо того чтобы фокусироваться на исламских правовых институтах *как таковых*, я предлагаю изучить *практики* урегулирования споров в отдельном регионе мусульманского мира. Юридическая история Средней Азии XIX века значительно отличается от истории исламского права в других регионах; к примеру, здесь правители не прибегали к суду апелляционному.

Данное исследование опирается на материал, ведущий происхождение почти исключительно из Средней Азии. Однако оно также рассматривает опыт, накопленный учеными более чем за двести лет написания истории исламского права. Историки Средней Азии часто озвучивают распространенное мнение, фундаментальное для западной традиции исследований права: юриспруденция в Средней Азии представляла собой привилегированную область компетенции профессиональных правоведов. По очевидным причинам Средняя Азия была отодвинута на периферию правоведческой дисциплины. Ниже я покажу, что этот факт, помимо всего прочего, дает нам шанс переосмыслить наше прочтение (и наш подход к написанию) истории шариата в послемонгольский период, в частности — его положение в широком контексте истории иранского мира. Данное исследование основывается преимущественно на среднеазиатских источниках XIX и начала XX века, созданных в бюрократических органах мусульманских государств в эпоху, предшествующую российскому завоеванию, и в период российского протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Дальнейшее исследование более ранних материалов, вероятно, покажет, что описываемая мною здесь правовая культура существовала в регионе еще до формирования трех узбекских ханств и, возможно, была распространена и в других регионах мусульманского мира.

Итак, в рассматриваемой правовой системе правоприменение осуществляется судом, во главе которого стоит правитель государства. Это суд, который превосходит своим авторитетом любых специалистов по вопросам права, арбитров и посредников. Рассмотрение такой системы требует применения инклюзивной концепции, пространственной метафоры, допускающей множественность правовых акторов. Одну из таких концепций предлагает Бурдьё, вводя понятие «юридическое поле». Юридическое поле в его понимании «определяется следующими двумя факторами. С одной стороны, это специфические отношения власти, формирующие структуру поля и определяющие порядок происходящей внутри поля конкурентной борьбы (или, точнее, ход конфликтов, связанных с компетенцией). С другой стороны, юридическое поле определяется внутренней логикой юридического функционирования, которая ограничивает спектр возможных действий и таким образом устанавливает границы сферы сугубо юридических решений»¹.

Данная концепция не идеальна. Бурдьё представляет юридическое поле как систему властных отношений и дискурсивное пространство, формируемое исключительно индивидами, обладающими юридическим авторитетом, то есть экспертами в области права. Другими словами, он предполагает, что неспециалисты могут лишь пассивно воспринимать правовой материал, исключает возможность участия простых людей в конфликтах, связанных с компетенцией, и таким образом не признает, что рядовые жители государства могут влиять на качество юридических услуг. Здесь я использую понятие «юридического поля» немного иначе, чем предлагает Бурдьё. Я предполагаю, что люди, обращающиеся в правовые институты, имеют некоторые представления о своих правах и обязательствах, а следовательно, и об истинности собственных претензий. Данные представления основаны на опыте и знаниях, накопленных ими в течение жизни. Когда я говорю о юридическом поле, я имею в виду пространство, где право — как на уровне представления, так и на уровне моделей поведения — является *результатом отношений* между

¹ Bourdieu P. The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field // HJL. 1986–1987. № 38. P. 816.

индивидами, имеющими авторитет в вопросах права, и теми, кто обращается за юридической помощью. Таким образом, юридическое поле становится пространственной метафорой, объединяющей в себе закон и общество.

Ричард Тердиман, переводчик работ Бурдьё на английский язык, заметил, что концепция «юридического поля» становится особенно эффективной, если мы представим ее как «магнит, действующий на все, что оказывается достаточно близко к нему»¹. Как я покажу в данной главе, подобным магнитом в Средней Азии являлся ханский дворец. Именно он приводил в движение группу правовых акторов и мест, где рассматривались претензии. Как магнит, дворец притягивал участников судебного разбирательства к центру власти — Бухаре, Хиве или Коканду. Изучая поведенческие модели, социальные взаимодействия и порядки в данном регионе в период, предшествующий российскому завоеванию, мы обнаруживаем то, что можно называть юридическим полем, информированным шариатом. В рамках этого поля подданные обращались к правителю за юридической помощью или просили дать санкцию на осуществление того или иного правового действия. Данное юридическое поле представляло собой культурное пространство, в котором правитель, согласно ирано-мусульманской теории верховной власти, воспринимался как гарант справедливого применения шариата. Ирано-мусульманская теория верховной власти требует, чтобы правитель воплощал собой идеал исламской справедливости (*'адалат*) и был всегда готов выслушать жалобы подданных. Востоковед Александр Семенов, несколько лет служивший в российском городе Каган (недалеко от Бухары) и имевший доступ к канцелярии Бухарского протектората², заметил следующее:

Несмотря на его [эмира] недоступность для своего народа и внушительный руководящий аппарат, состоящий из бюрократов и чиновников различных мастей, которые, казалось бы, могли бы выполнять свои функции независимо в пределах собственной компетенции,

¹ Ibid. P. 806.

² Литвинский Б. А., Акромов Н. М. Александр Александрович Семенов (научно-библиографический очерк). М.: Наука, 1971. С. 43–44.

в действительности ничего не совершалось без одобрения эмира. Перед ним отчитывались за каждую мелочь, связанную с управлением и повседневными распоряжениями. <...> Ибо среди обязанностей эмира как справедливого и независимого правителя было не только обеспечение исполнения наказаний, но и отправление правосудия, сам Эмир принимал прошения и слушал дела¹.

Придерживаясь концепции исламского юридического поля, я пытаюсь отойти от теории «правового плюрализма», которая обсуждалась во вступительной части. С точки зрения сторонников правового плюрализма, современные государства закрепляют за собой законодательные привилегии и требуют от общества соответствия некоторым нормативным стандартам; однако при этом поведение субъектов государства формируется с учетом взаимодействий, происходящих в полуавтономной социальной сфере, и отражает концепции справедливости, которые подчас противоречат государственному закону². Несомненно, данный подход представляется полезным для изучения колониальных и постколониальных ситуаций, а также западных обществ, то есть тех моделей, где действует более чем одна нормативно-правовая система, юрисдикции разграничены, а бюрократия воспринимается как данность. Однако мы получаем меньше пользы, пытаясь применить концепцию правового плюрализма к обществам прошлого, которые либо не подчинялись прямому контролю со стороны государства³, либо управлялись династиями, не имевшими законодательной власти и не проводившими различий между правовыми базами (к примеру, исламским и обычным правом) или различными правовыми доктринами (мазхабами). Средняя Азия XIX века представляет собой один из таких случаев. Шариат не был воплощением

¹ Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад: Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. С. 24, 32.

² Pirie F. Legal Autonomy as Political Engagement: The Ladakhi Village in the Wider World // LSR. 2006. Vol. 40. № 1. P. 77–103.

³ Scheele J. Rightful Measures: Irrigation, Land, and the Sharī'ah in the Algerian Touat // Legalism: Anthropology and History / Eds P. Dresch, H. Skoda. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 198.

законотворческой воли хана, а люди, обращавшиеся в суд, по-видимому, не воспринимали различные институты как воплощение правового разнообразия. С их точки зрения, шариат не был противоположен обычному праву. Подданные ханов действительно пользовались возможностью выбрать наилучшую для себя юрисдикцию, то есть обращались, в зависимости от ситуации, к различным институтам — к правителю (в ханский дворец), к хакиму, казию или аксакалам — местным старейшинам. Однако жители ханств не считали все эти институты воплощением разных нормативно-правовых баз и, по-видимому, не считали процессуальные различия важным фактором при выборе места рассмотрения дела. Несмотря на различный порядок судебной процедуры, люди воспринимали эти институты как разные стороны шариата.

Сторонники правового плюрализма могут не согласиться с моим подходом. Они отметят, что я игнорирую тот факт, что специалисты в области права и ученые проводят различие между шариатом, включающим такие понятия, как *'урф*, *'адат*, *дастур* («обычай»), и концепцией *та'амул* или *'амал* («порядок», «практика»). Правовые плюралисты могут предположить, что разница между этими концепциями могла повлиять на представление людей о судебной практике, а следовательно — процессуальные различия могли служить причиной выбора в пользу того или иного судебного института. Я не исключаю такой возможности, однако использую в данной книге другую методологию. Я привожу локальные представления о праве в том виде, в каком они появлялись в источниках, не проецируя на эту информацию никаких заранее сформированных представлений о мусульманской правовой практике. Ничто в источниках, на которых основана данная книга, не указывает на то, что в доколониальной Средней Азии мусульмане, ориентируясь в исламском юридическом поле, руководствовались концепцией правового многообразия, тем самым создавая противостояние между нормами обычая, локальными практиками и шариатом. К примеру, подданный ханства, собираясь обратиться к местному хакиму, мог знать, что хаким способен прибегнуть к силе (*сийасат*), чтобы выбить признание. Точно таким же образом заявитель мог быть в курсе, что казий, скорее всего, не применит

силу для разрешения спора между сторонами. Является ли это примером правового разнообразия? Ответом будет «нет», поскольку наши источники говорят, что и хаким, и казий разрешали споры в соответствии с шариатом; то есть хакимы и казии не пользовались различными правовыми системами. Можно сказать, что исламские юридические источники содержат лишь «идеальные» нормы, поскольку они предполагают, что конфликты будут всегда разрешаться по шариату; таким образом, в них могут упускаться многие различия. Однако я не буду интерпретировать формальный шариатоориентированный характер исламских юридических документов как помеху для нашего проникновения в мир предполагаемого правового разнообразия. Вместо этого я предлагаю поразмыслить над тем, что наши источники ведут свое происхождение из юридического поля, включающего в себя понятие шариат и множество различных правовых авторитетов и институтов. Как мы увидим далее, эти авторитеты и институты делили между собой многие правовые функции, а их юрисдикции порой пересекались. Если это демонстрируют доступные нам источники, то возникает вопрос, какое интерпретативное преимущество дало бы нам прочтение этих источников, игнорирующее важность инклюзивности рассматриваемого юридического поля?

В доколониальной Средней Азии местное население имело возможность выбирать наиболее удобную для каждого случая юрисдикцию. Соответственно, существовала не одна юрисдикция, а следовательно, перед нами ситуация правового плюрализма. С этой точки зрения правовой плюрализм понимается скорее как «сеть юрисдикций», чем как множественность законодательных норм, связанных с одними и теми же вопросами¹. Данный подход указывает нам на сложности и внутренние противоречия, пронизывающие то, что мы обычно называем «государственным законом». Как будет далее раскрыто в данной главе, среднеазиатские ханства XIX века для отправления правосудия опирались на различные правовые институты. Нам

¹ Данный подход к исследованию правового плюрализма раскрывается в следующих работах: *Benton L. Law and Colonial Cultures...*; *Benton L., Ross R. J. Empires and Legal Pluralism: Jurisdiction, Sovereignty, and Political Imagination in the Early Modern*. P. 3–7.

следует провести различия между множественностью юрисдикций и правовым разнообразием. Действительно, при правлении мусульманских династий в Средней Азии существовала ситуация плюрализма правовых институтов, однако эти институты не имели существенных отличий друг от друга, так как все они руководствовались исламской правовой системой.

Кроме того, невозможно рассматривать изменения, которым подверглись мусульманские сообщества Средней Азии после российского завоевания, без раскрытия идеологической подоплеку исламского юридического поля. Поэтому мы должны критически подойти к концептуальному репертуару исследований права, колониализма и глобализации. К примеру, утверждается, что «российские завоеватели в период формирования Туркестанского генерал-губернаторства — с 1860-х по начало 1880-х годов — взаимодействовали с мусульманскими сообществами <...> для которых временные власти уже давно являлись центральными действующими лицами — посредниками при разрешении споров»¹. Как мы увидим далее, данное наблюдение требует дальнейших разъяснений. Среднеазиатские подданные-мусульмане не считали эмиров и ханов «временными властями» и не полагали, что шариат как правовая система информирован одной лишь теологией. Как я надеюсь показать в данной книге, среднеазиатские правители осуществляли исламскую судебную власть, мало задумываясь о божественной природе шариата.

Еще одна распространенная идея гласит, что местные жители обращались к правителям в надежде «оспорить решения судей исламского права»². Данное представление также создает путаницу, поскольку не существует свидетельств о практике судебного пересмотра в доколониальной Средней Азии. Эта интерпретация основана на колониальном культурном конструкте, согласно которому ханский дворец являлся лишь местом обжалования решений. Как мы увидим, жители Средней Азии регулярно представляли дела на рассмотрение правителей; случаи

¹ *Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia.* P. 250. Похожую интерпретацию см.: *Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910...* P. 246. Моррисон здесь пользуется термином «светские власти».

² *Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia.* P. 251.

обращения к правителям не ограничивались жалобами на некомпетентность казиев¹.

Таким образом, с моей точки зрения, категории «государственного» и «негосударственного закона» представляют собой не данность, но отражение современных западных форм управления. В этой главе я задаюсь следующим вопросом: как объяснить централизованное применение шариата в регионе, не прибегая к обычной толковательной парадигме «модернизации»? Я утверждаю, что в ханствах Средней Азии шариат имел правовой суверенитет; соответственно, воспроизводилось то, что мы можем назвать «верховенством шариатского права». Вводя понятие верховенства права, я хочу сделать акцент на правовом опыте, а не на правовой теории. Теоретическое правило неприкосновенности правителя² менее наглядно демонстрирует верховенство шариата, чем вера народа в то, что ханский дворец является источником справедливости. Эту веру следует отличать от простого совпадения воли или же подчинения. Я постараюсь объяснить, как функционировал порядок, в рамках которого поведение граждан соответствовало закону, а формы правосознания «создавались, когда простолюдины получали <...> эпизодический опыт справедливости решения по делу»³.

1. ИСЛАМСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XIX ВЕКА

1.1. Правители и судьи

Мы начнем с рассмотрения институциональных механизмов шариатской практики в Средней Азии. Прежде всего, назначение на юридическую должность, как правило, зависело от решения

¹ Здесь мой подход противоречит позиции Р. Круза, см.: *Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. P. 250; *Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910...* P. 246.

² *Murphey R. Mustafa Safi's Version of the Kingly Virtues as Presented in His Zübde'tül Tevarih, or Annals of Sultan Ahmed, 1012–1023 A.H./1603–1614 AD // Frontiers of Ottoman Studies / Eds C. Imber, K. Kiyotaki. London: I. B. Tauris, 2005. № 1. P. 5–24.*

³ *Benton L. Not Just a Concept: Institutions and the «Rule of Law» // JAS. 2009. Vol. 68. № 1. P. 119.*

верховного правителя¹, который делал выбор между несколькими конкурирующими между собой кандидатами. Например, при бухарском эмире Абдул-Ахаде (годы правления: 1885–1910) было принято назначать судьями детей бухарских ученых (*махдумзаде*), а хакимы и управляющие вакфами выбирались из сподвижников (*акриба*²) правителя². Бухарские специалисты в области права в XIX веке одобрительно относились к тому, что правитель (*ас-султан*) лично производил назначение (*такаллуд*) казия — вне зависимости от того, был правитель справедливым, жестоким или вовсе не мусульманином³.

Процедура назначения следовала моделям обоюдности, характерным для культуры обмена дарами. Человека могли награждать местом казия за заслуги или (чаще всего) за демонстрацию лояльности и благосклонности по отношению к эмиру. Об этом свидетельствует интересное описание, которое дает местный наблюдатель — Хамид Ходжа бин Бака Ходжа, родившийся в семье бухарского улема. Местные специалисты в области права организовывали в честь эмира большие праздники (ед. ч. *туй*). В Бухаре считалось, что чем грандиознее пир, тем больше шанс, что правитель назначит устроителя праздника

¹ Назначение казиев правителем характерно для всей истории суннитского права в целом. См.: *Calero Secall M. I. Ruler and Qāḍis: Their Relationship during the Naṣrīd Kingdom // ILS. 2000. Vol. 7. № 2. P. 235–255.* Данная работа поднимает множество вопросов. В частности, суннитская теория судопроизводства предполагает, что судебная деятельность казиев по-прежнему считается действительной, даже если судьи были назначены де-факто правительством, властвующим незаконно; см.: *Schacht J. An Introduction to Islamic Law. Oxford: Oxford University Press, 1982. P. 187.* На практике правитель мог опосредованно руководствоваться общественным мнением при выборе кандидата; см.: *Rebstock U. A Qāḍī's Errors // ILS. 1999. Vol. 6. № 1. P. 1–37.*

² *Хамид Ходжа.* Танзил ал-имсал фи зикр байан ал-ахвал. Ташкент. ИВАНРУз. № 602. Л. 254б.

³ Данное утверждение встречается в следующем бухарском юридическом сборнике: Маджму'а ва та'рих-и Мулла-зада. Ташкент. ИВАНРУз № 9767. Л. 37б. Оно сопровождается отсылкой к юридическому источнику XV века, цитата: «Назначение судьи справедливым самовластным правителем — законно. Однако должна быть очевидна его [судьи] справедливая натура» (*таклид-и каза ас-султан-и 'адил ва джабир джа'из аст амма ал-'адил-и хвуд захир аст*): *Ихтияр ад-Дин бин Гийас ал-Хусейни.* Мухтар ал-ихтияр 'ала ал-мазхаб ал-мухтар. Ташкент. ИВАНРУз № 5438. Л. 13б; Bodleian. Fraser 239. Fol. 4b–5a. Один из разделов сборника «Мухтар ал-ихтияр» посвящен назначению (*таклид*) на должность казия и снятию (*'азл*) с нее.

на важную должность. К примеру, Хамид Ходжа гордился, что его отец, Бака Ходжа, служивший верховным судьей (кази-каланом), однажды организовал для эмира туй, который длился больше месяца¹. Хамид Ходжа с иронией рассказывает, как подчиненные отца, в частности муллы, пришли на туй, «чтобы наблюдать, кто кому прислуживает за пиром» (*ба-туй мутарассид-и хизмат шуданд*). Ироничное высказывание автора свидетельствует о стремлении улемов угодить верховному судье. Хамид Ходжа отдельно объясняет, что все муллы пришли на празднество в надежде снискать благосклонность эмира: «Кто знает, может, взгляд эмира падет [на кого-то] и исполнит [его] желание» (*мабада ки чаши-и амир афтада пуршии хал кунад*)². Расчетливый посетитель туя действительно мог значительно обогатиться: Хамид Ходжа замечает, что некоторые его пронырливые современники извлекали из таких мероприятий гораздо больше выгоды, чем он сам. В то время как верховному судье эмир посылал в подарок личного курьера и золотые стремяна, наш автор был вынужден довольствоваться лишь почетным халатом³. Стоит ли удивляться, что некоторым удавалось выхлопотать у эмира назначение на почетную должность верховного судьи, войдя в ближний круг приспешников и устроив еще более грандиозное празднество. К примеру, так сложилась жизнь Муллы Бурхан ад-Дина. Этот человек, служивший раисом (*ра'ис*, букв. глава, инспектор по надзору за рынком) Бухары в период с 1900 по 1910 год, был обвинен в подстрекательстве к городским стычкам между суннитами и шиитами⁴. Попав к эмиру в немилость, он был понижен в должности и переведен на пост судьи в юго-западную провинцию Чахар-Джуй (совр. Чарджуй, Туркменистан)⁵.

¹ Хамид Ходжа. Танзил ал-имсал фи зикр байан ал-ахвал. Ташкент. ИВАНРУз. № 602. Л. 255б.

² Там же.

³ Там же. Л. 256б–257а.

⁴ О данном эпизоде кратко упоминается в следующем источнике: The Personal History of a Bukharan Intellectual. The Diary of Muḥammad Sharif Ṣadr-i Ziyā / Transl. R. Shukurov, ed. E. Allworth. Leiden: Brill, 2004. P. 299. Подробнее о сунито-шиитских конфликтах см.: Khalid A. Society and Politics in Bukhara, 1868–1920 // CAS. 2000. Vol. 19. № 3–4. P. 367–396.

⁵ The Personal History of a Bukharan Intellectual... P. 257.

Пользуясь дружбой с казначеем (*хазиначи*) эмирата, в 1913 году чиновник добился от правителя разрешения устроить туй и пригласил на праздник огромное количество гостей¹. Интересно, что расходы взял на себя верховный судья — Бака Ходжа. Демонстративная расточительность Муллы Бурхан ад-Дина привела его к успеху: он был возвращен в Бухару на том основании, что знает, как с размахом потратить деньги эмира². Хамид Ходжа с иронией сообщает, как его отец встревожено поделился с коллегой — бухарским правоведом: «„На этом празднике Мулла Бурхан ад-Дин либо мою, либо твою голову съест!“ К сожалению, в следующие несколько дней стало известно, что его назначили верховным судьей»³. В результате того, что Мулла Бурхан ад-Дин стал кази-каланом, Бака Ходжа был понижен до должности *шайх ал-ислама*; в те времена это было лишь почетным постом, не дающим реальной власти.

Разумеется, данный рассказ, изложенный в неодобрительном тоне, следует рассматривать в контексте личной истории автора, безуспешно стремившегося, как и многие другие⁴, добиться назначения на административный пост. Как мы увидим далее, такие должности обеспечивали стабильный доход. Причиной этому — не только хорошее жалование (а также недвижимость и налоговые преимущества), но и подарки (*тартик/пиш-каш*), принимаемые от клиентов в обмен на услуги. Неудивительно, что большинство местных ученых страстно желали быть назначенными на такую позицию. Так, в последние годы правления Мангытов в Бухаре разгорелась борьба между двумя партиями улемов, в народе именуемых по их месту жительства: «горцами» (*кухистани/хатлани*) и «городскими» (*тумани*). Эти две группы боролись за верховную власть и монополию на получение

¹ Хамид Ходжа. Танзил ал-имсал фи зикр байан ал-ахвал. Ташкент. ИВАНРУз. № 602. Л. 257а.

² Там же. Л. 257б–258а. Краткое упоминание об этом эпизоде: The Personal History of a Bukharan Intellectual... P. 299.

³ Хамид Ходжа. Танзил ал-имсал фи зикр байан ал-ахвал. Л. 258а.

⁴ Еще одна (не столь неприятная и не столь подробная) история о попытке продвинуться по карьерной лестнице судебной иерархии приводится в следующем источнике: Мир Саид Мухьи ад-Дин бин Мир Саид Хабибуллах Фатхабади. Хатират. Ташкент. ИВАНРУз. № 328/IV.